

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Amarakocha, ou Vacabulaire d'Amarasiriha. Publ. en Sanscrit avec une traduc. francaise, des notes et un index par A. L. Deslongchamps. – Paris, 1839.
2. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. – М., 2007. – С. 460.
3. Блумфилд Л. Язык // Пер. с англ. Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат. – М., 2002.
4. Гейм И.А. Словарь, содержащий самые употребительнейшие и нужнейшие слова в общежитии на Французском, Немецком и Российском языках, в пользу начинающих учиться сим языкам. – М., 1819.
5. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М., 1997. – С. 118.
6. Нет, весь я не умру: Шедевры русской лирики. – Калуга, 1999.
7. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1999.
8. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1998.
9. Феофраст. Исследования о растениях. – Рязань, 2005. – С. 20.

УДК 81'42

Фадеева Т.М.

Московский государственный областной университет

ОСНОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ ОБЪЕКТЫ ПРИ СЛОЖНЫХ ЭПИТЕТАХ*

Аннотация. Данная статья освещает морфологическое разнообразие объектов эпитетации в эпифразах с участием сложных эпитетов, функционирующих в художественных текстах. На основе проведенного анализа выявляются наиболее активно используемые лексемы, среди которых выделяются как нарицательные существительные, так и имена собственные, отмечаются общезыковые и окказиональные единицы, указывается традиционный и инверсивный характер их употребления в зависимости от частеречной принадлежности. Прослеживается тенденция изменения объектов эпитетации в области художественного пространства на протяжении XVIII – XX вв.

Ключевые слова: сложный эпитет, эпифраза, объект эпитетации, антропонимы, композитные единицы.

T. Fadeeva

Moscow State Region University

THE MAIN UNITS EXPRESSING DEFINITE OBJECTS OF COMPOUND EPITHETS

Abstract. The article deals with the morphological variations of objects of epithetation in epiphrazes containing compound epithets functioning in fiction. On the basis of analysis the most active lexemes have become revealed among them, there are both common nouns and proper nouns, units wide spread in language

and used occasionally, the traditional and inverse character of their usage is pointed out depending on the parts of speech. The tendency of changing of the object of epithetation is investigated on the field of fiction of XVIII-XX century.

Key words: a compound epithet, epiphrase, an object of epithetation, antroponims, composite units.

Рассматривать собственно сложные эпитеты вне их связи с объектами эпитетации было бы некорректно, так как, во-первых, они находятся в теснейшей семантической и грамматической связи, а во-вторых, эстетически законченный образ создается единством двучастной структуры (определение – определяемое), то есть эпифразой. Принципиального различия между предметами, которые сопровождают в тексте простыми эпитетами, и теми единицами, что сочетаются со сложными, не наблюдается.

Все многообразие объектов эпитетации, номинирующих предмет, можно подразделить на несколько групп:

1. Узуальные единицы, выраженные нарицательными существительными. Среди них представлены все четыре типа: отвлеченные существительные (*железно-мертвая несокрушимость* (В. Жуковский), *мучительно-тягостное ощущение* (А. Серафимович), *сладоотрадно-ластящаяся красота* (В. Вересаев), *безлично-бледная глубина* (К.

* © Фадеева Т.М.

Бальмонт)), вещественные (*лимонно-желтая вода* (М. Пришвин), *воздух яблочно-терпкий* (З. Гиппиус)), собирательные (*серебристо-зеленая листва* (А. Куприн), конкретные (*шатры златошвенные* (Г. Державин), *чижик желтобокой* (В. Капнист)). Наиболее часто сопровождаются сложными эпитетами конкретные и отвлеченные единицы. Причем среди них можно обозначить те, которые характеризуются особо высокой валентностью: *взгляд, взор, вид, волосы, выражение, глаза, голова, голос, жизнь* и другие. Данный факт объясняется значимостью указанных языковых единиц для авторского представления сюжетобразующих лиц и предметов вне зависимости от личности поэта или писателя, времени и литературного направления. Так, например, слово *жизнь* сопровождается сложными эпитетами у самых разных поэтов и писателей, при этом определения характеризуются низкой частотой повторяемости: *ароматно-гнилая* (В. Вересаев), *безошибочно-недоверчивая* (А. Солженицын), *безысходно-мрачная* (А. Солженицын), *божеско-всемирная* (Ф. Тютчев), *быстротекущая* (А. Пушкин), *всеобщая* (А. Солженицын), *грубо-пьяная* (В. Вересаев), *деятельно-добродетельная* (Л. Толстой), *долговременная* (И. Гончаров), *древнемужицкая* (И. Бунин), *коловоротная* (Г. Державин), *лично-семейная* (Л. Улицкая), *мирно-боевая* (Ф. Тютчев), *мирно-хлопотливая* (И. Гончаров), *многодонная* (О. Мандельштам), *многострунная* (В. Брюсов), *многотревожная* (И. Тургенев), *мутно-бурлящая* (В. Вересаев), *светозарная* (А. Куприн), *скорометчивая* (А. Солженицын), *скоротечная* (И. Дмитриев, В. Жуковский, М. Лермонтов и др.), *сознательно-прекрасная* (А. Куприн), *третьесортная* (В. Набоков), *трудолюбивая* (Н. Гоголь, Н. Некрасов и др.), *упорядоченно-ритуальная* (Л. Улицкая) и многие другие.

В художественном пространстве того или иного автора выявляются единицы, особенно часто сопровождаемые сложными эпитетами, что позволяет говорить об их концептуальной значимости для данной языковой личности. Так, например, в текстах И. Бунина отмечается высокая частота использования пары сложный эпитет – определяемое, где в роли последнего выступает слово *блеск*: *А там, далеко вдали за кормой, красно-золотой и уже густой и тусклый блеск, разлитый по морю, весь изрыт черными ухабами и весь движется...* (И. Бунин. Воды многие); *Что-то начинает вздрагивать и поталкивать под бок;*

металлически-лучистый блеск фонарей проходит по стеклам и гаснет... (И. Бунин. Новая дорога); *Был Земмеринг и вся заграничная праздничность горного полдня, левое жаркое окно в вагоне-ресторане, букетик цветов, аполлинарис и красное вино «Феслау» на ослепительно-белом столике возле окна и ослепительно-белый полуденный блеск снеговых вершин...* (И. Бунин. Генрих); *Необъятное пространство между небом, пустыней и долиной Каира было все в пыльно-золотистом блеске.* (И. Бунин. Свет Зодиака);

*Порою шумно пробежали
Потоки ливней голубых...
Но солнце и лазурь мигали
В зеркально-зыбком блеске их...*
(И. Бунин. Розы).

Данные примеры иллюстрируют общеизвестные аспекты идиостиля И. Бунина. Мировосприятие этого писателя было сенсорно ориентировано, что нашло свое отражение в активизации зрительных, слуховых, хаптических, одорических образов в его художественном пространстве. Слово *блеск* рождает в сознании читателя зрительный образ, неповторимость которого и передается эпифразой.

2. Окказиональные единицы, выраженные нарицательными существительными. Специфика данных объектов эпитетации заключается в их низкой или полностью отсутствующей воспроизводимости в языке. Наблюдается высокая частота употребления отвлеченных существительных (*сипло-свежее чужьканье* (И. Тургенев), *черство-учтивая побранка* (Ф. Достоевский), *заведомо-пустые сплеты* (М. Цветаева), *нищеты вековечная сухомьять* (М. Цветаева), *ало-желчный лесосон* (И. Северянин), *особо-убедительные изливы души* (А. Солженицын)), а также конкретных (*стосильный грузовоз* (В. Маяковский), *песенно-есененный провитязь* (В. Маяковский), *краснокожая паспортина* (В. Маяковский)).

Основное значение подобных единиц раскрывается, прежде всего, через корневую морфему, однако в ряде случаев можно определить семантику окказионализма представляется возможным в рамках расширенного художественного контекста:

*«Жизнь» и «смерть» давно беру в кавычки,
Как заведомо-пустые сплеты*
(М. Цветаева. Новогоднее).

Благодаря включению двух предшествующих антонимичных понятий *жизнь-смерть* становится понятным, что единица *сплётмы* является производной от глагола *сплести*.

Нередко окказиональный объект эпитетации сопровождается и окказиональным сложным эпитетом: *фырк зловодный* (В. Маяковский).

3. Ономастические единицы. Данная группа достаточно многообразна по составу и позволяет рассматривать в ее структуре несколько подгрупп:

1). Антропонимы исторических личностей. Подобные единицы встречаются, как в художественных текстах, так и в мемуарах. В тех случаях, когда они сопровождаются сложными эпитетами, последние демонстрируют ярко выраженную оценку, положительную или отрицательную: *простосердечный Лафонтен* (Н. Карамзин), *зорко-сметливый Боратынский* (П. Вяземский), *Брюсов естественно-бессодержательный* (З. Гиппиус), *скалозубый, нагловзорый Пушкин* (М. Цветаева), *Врангель толсторожий* (В. Маяковский), *Бунин неприятно-желчный* (В. Катаев). В иных контекстах сложный эпитет при антропонимах реальных личностей определяет важное, с точки зрения повествователя, качество человека или изобразительную черту манеры поведения: *особенно-неподвижный Блок* (З. Гиппиус). В ряде случаев антропоним, сопровождаемый сложным эпитетом, демонстрирует метонимический перенос и номинирует не саму личность, а называет его произведения: *громоносный Берлиоз* (И. Северянин). Имя исторического персонажа может переноситься на его скульптурное изображение, что в сочетании со сложным эпитетом зрительного плана, несомненно, создает выразительный образ: *конно-медный Александр II* (М. Булгаков).

2). Антропонимы литературные. Среди данной группы нами выделяются две основные: антропонимы мифологических персонажей (*Феб лучезарный* (И. Крылов), *Велес козлоногий* (В. Кюхельбекер), *эгидоносный Зевс* (Ф. Тютчев), *всеблагая Афина* (Ф. Тютчев), *богоравная Сивилла* (А. Фет), *светлоокая Сирин* (А. Ахматова)) и собственно литературных героев (*мертво-бледная Дуня* (Ф. Достоевский), *женоподобно-жирный Тимошка* (И. Бунин), *живописно-кудрлатый Краснопольский* (И. Бунин), *старомозгий Плюшкин* (В. Маяковский)).

Имена персонажей древнегреческих мифов встречаются в отечественных художественных

текстах значительно чаще, нежели славянских божеств, что определяется литературной традицией Золотого и Серебряного веков русской поэзии, когда авторы особенно часто черпали вдохновение в классических образах. Сложные эпитеты, сопровождающие подобные антропонимы, репрезентируют чаще некие закрепленные за образом черты внешности или оценки культурологического плана. Например, Аполлон, как известно, обладатель светлых волос, наделяется в поэзии определением, демонстрирующим именно эту характерную примету: *Феб златокудрый* (А. Фет); бог западного ветра воплощает воздушную стихию также в своей внешности – *голубоокий Зефир* (А. Фет); иерархическое положение Зевса, верховного бога в греческой мифологии, отражается в образе *правоправящий Кронид* (Ф. Тютчев)). Значительно реже рассматриваемые антропонимы сопровождаются сложными эпитетами эмоционально-психологического плана, раскрывающими индивидуальность образа, характера, демонстрирующими явно выраженное субъективное авторское отношение, так как для русских поэтов и писателей персонажи древнегреческих мифов – отстраненные, схематичные эталоны, лишённые личностного начала *мудро-блаженный Эрос* (А. Блок).

Что касается имен литературных персонажей, то здесь встречается весь спектр сложных эпитетов, которые позволяют не только представить внешность героя, своеобразие его внутреннего мира, но и отразить его неповторимость в глазах окружающих.

3). Окказиональные антропонимы. Это в массе своей прозвища, неофициальные имена, создаваемые с целью актуализации оценки лица, о котором идет повествование. Значение самого прозвища, а зачастую и реальный объект, им номинируемый, становится понятно исключительно благодаря расширенному контексту:

*За то, что любишь ты природу,
За то, что веет жизнь от щек
Твоих, тебе слагаю оду,
Мой звонкострунный Журчеек!*
(И. Северянин. Василию Каменскому).

4). Зоонимы. Клички животных нередко также становятся объектами эпитетации. Подавляющее большинство сложных эпитетов, употребляемых при зоонимах, выполняют изобразительную функцию. В некоторых случаях созданный автором образ воспроиз-

водится в тексте не однократно. Так, в сцене охоты в романе Л. Толстого «Война и мир» наряду с самостоятельным употреблением клички собаки Милка мы встречаем повторяющееся сочетание зоонима с композитным определением:

Черно-пегая широкозадая сука Милка с большими черными навывкате глазами, увидав хозяина, встала, потянулась назад и легла по-русачьи, потом неожиданно вскочила и лизнула его прямо в нос и усы.

Первая показала вблизи зверя черно-пегая, широкозадая Милка и стала приближаться к зверю.

Из-за Ерзы вынеслась широкозадая черно-пегая Милка и быстро стала спешить к зайцу.

Подчеркнуто «постоянный» характер подобного композиты перестает играть только конкретизирующую изобразительную функцию, а неоднократная воспроизводимость эпифразы с зоонимом в качестве опорного слова в ткани повествования свидетельствует о законченности и определенной значимости образа, противопоставленного по тексту другой собаке – *красно-пегой Ерзе*, также несколько раз встречающейся в указанной сцене.

5). Топонимы. В художественных текстах топонимические единицы активно используются авторами. Топонимы не только выполняют номинативную функцию, но и включаются в широкий спектр языковых средств, формирующих самобытность и выразительность того или иного текста. И сложные эпитеты в этом плане наиболее востребованы. Они могут сопровождать самые разные топонимические единицы, среди которых встречаются: астионимы (названия городов): *Вавилон широкостенный* (А. Кантемир), *Коринф столповенчаный* (К. Батюшков), *первобытно-грубый Иерусалим* (И. Бунин), *мутно-аспидный Каир* (И. Бунин), *снежно-сизая Москва* (И. Бунин), *Москва невзрачно-скромная* (В. Брюсов), *Париж мощно-одичалый* (О. Мандельштам); гидронимы (названия водных объектов, среди которых доминируют названия рек): *плодоносный Нил* (А. Кантемир), *тихоструйный Майн* (А. Фет), *мыльно-голубая Ока* (Л. Улицкая); хоронимы (названия обширных пространств, стран): *роскошно-томный Восток* (П. Шаликов), *Крым скалоликий* (В. Маяковский), *быстроногая Америка* (В. Маяковский), *неизменно-послушная Россия* (А. Солженицын), *безумно-богатая Россия* (А. Солженицын); оро-

нимы (названия поднятых форм рельефа): *Эльбрус двуглавый* (В. Жуковский), *Бешту острокопечный* (А. Пушкин) и другие. Для некоторых топонимов сложные эпитеты становятся в сознании носителя языка постоянными: *Москва белокаменная* (Н. Карамзин, К. Батюшков, А. Пушкин, М. Лермонтов), *Москва златоглавая* (М. Лермонтов), *Москва первопрестольная* (Ф. Тютчев, И. Северянин). А в ряде случаев подобные композитные определения субстантивируются и начинают употребляться самостоятельно, заменяя всем известный объект эпитетации:

Да и цыгане-то теперь где? Все в той же белокаменной, в театре «Ромэн» (В. Астафьев. Зрячий посох).

Топонимические единицы зачастую подвергаются персонификации, и сложный эпитет играет здесь одну из ведущих ролей: географическое название наделяется теми качествами, которые свойственны проживающим на этой территории людям (*добродушно-веселый Глупов* (М. Салтыков-Щедрин)), или свойственны человеку вообще.

Олицетворение может возникать и на основе взаимодействия топонима, сопровождаемого сложным эпитетом, с другими тропами. Перцепция топонима как одушевленного предмета уходит на второй план, а вся конструкция воспринимается как единый образ:

*Непроезженные выли степи,
и Урал
орал
непроходимолесый*
(В. Маяковский. Рабочим Курска...).

Художественное значение сложного эпитета в рассматриваемом контексте не нивелируется. Его инверсивное положение и оторванность от объекта эпитетации, фиксируемые финальным положением в строке и всей зеркальностью синтаксической конструкции, фокусируют внимание именно на композитной единице.

6). Единицы, номинирующие газеты, журналы, предприятия и т. п. Достаточно малочисленная группа в силу низкой частотности употребления в художественном пространстве. В тех случаях, когда при подобных номинациях используются сложные эпитеты, эпифраза редко демонстрирует повышенную выразительность и эмоциональность: *стугольный «Гигант»* (В. Маяковский).

4. Субстантиваты. В данную группу включаются единицы, в рамках контекста подверг-

шиеся переходу в разряд имен существительных. Сопровождаться сложными эпитетами могут как единицы, субстантивация которых носит общезыковой характер (так, например, обстоит дело со многими прилагательными: *романтически-преступное прошлое* (Л. Улицкая), *добропорядочное будущее* (И. Тургенев)), так и слова, субстантивированные в рамках контекста: *вдруг-ворвавшееся ура* (М. Цветаева), *тысячелетнее прежде* (В. Маяковский). В художественном тексте подобные эпитеты, опорные слова которых выступают в функции имени существительного, встречаются значительно чаще, нежели в текстах других функциональных стилей.

5. Многочисленную группу составляют и местоимения, указывающие на лицо или на не-лицо. Из всех разрядов местоимений сложными эпитетами активно сопровождаются личные и неопределенные. Среди личных высокой частотностью включения в эпитеты характеризуется местоимение *он* (*она*, *оно*), которое формально не отражает различия между указанием на лицо или не-лицо. Разграничение осуществляется или в рамках эпитеты, где «срабатывает» семантика компонентов композитной единицы (*грубо-черноволосый он* (И. Бунин)), или в рамках более развернутого контекста:

Туловище его высечено из гранита целиком, – приставлены только голова и плечи. <...> И весь он, грубый, дикий, сказочно-громадный, носит следы жуткой древности и той борьбы, что с незапамятных времен суждена ему, как защитнику «Страны Солнца», Страны Жизни, от Сета, бога Смерти (И. Бунин. Свет Зодиака).

В «Русской грамматике» отмечается, что «в употреблении местоимения-существительного *он* (*она*, *оно*) в большей мере, чем в употреблении слов *я* и *ты*, обнаруживается способность местоименных слов в своем конкретном значении применяться к той или иной ситуации» [3, с. 533]. Этой особенностью объяснима и более низкая частотность употребления местоимения *я* в сочетании со сложным эпитетом. Использование данного личного местоимения в составе эпитеты в контексте часто приводит к утрате местоименного значения. Местоимение *я* при этом получает значение существительного – «употребляется для обозначения сознаваемой человеком собственной сущности, самого себя в окружающем мире, а также для обозначения субъекта (в философии)» [4, с. 1065].

*Кто, Неслышимый, услышит
Каждый ропот бытия,
Только Тот бессмертьем дышит,
В нераздельно-слитом я*
(К. Бальмонт. Молитва вечерняя).

Местоимение первого лица множественного числа в качестве объекта эпитетации, как правило, сохраняет указание на совокупность лиц, в числе которых присутствует и говорящий:

*Помнишь, – молодо-беспечны
И отверженно-убоги,
За возами шли мы полем
Вдоль проселочной дороги...*
(Я. Полонский. Письма к Музе).

В художественных текстах встречаются и личные местоимения *ты*, *вы*, обозначающие лицо собеседника (или собеседников). Данные единицы сохраняют в составе эпитеты в своей семантике, прежде всего, личностное начало, в котором в скрытой форме, но все же присутствует субстантивный механизм:

*Где под покровительством януса
Живут индейки, куры, гуси,
Вы под заботами природы-тети
Здесь, тихоглазая, цветете*
(В. Хлебников. Где прободают тополя жуть...).

Неопределенные местоимения, словообразовательно мотивированные местоимениями *кто* и *что*, противопоставляются по признаку личности/неличности. Входя в состав эпитеты со сложным эпитетом, они характеризуются низкой частотностью употребления первых (*кто-то*, *некто* и т. п.) и высокой частотностью вторых (*что-то*, *нечто* и т. п.): *кто-то седобородый* (И. Бунин), *кто-то загадочно-опасный* (Л. Андреев), *кто-то прозрачно-светлый* (М. Горький); *что-то горестно-ужасное* (В. Жуковский), *что-то сладострастно-злое* (Н. Лесков), *что-то изящно-безнадежное* (И. Тургенев), *что-то трогательно-беспомощное* (И. Тургенев), *что-то грациозно-вакхическое* (И. Тургенев), *что-то солидно-чиновничье* (Ф. Достоевский), *что-то изменнически-подлое* (М. Салтыков-Щедрин), *что-то неуловимо-хищное* (Л. Андреев). Язык произведений одних авторов изобилует подобными эпитетами (например, Л. Толстой: *что-то неожиданно-грубое*, *что-то сверхъестественно-утонченное*, *что-то ласково-успокоительное*, *что-то тро-*

гательство-невинное, нечто сверхъестественно-прекрасное; И. Бунин: влажно-мглистое что-то, грубо-стройное что-то, густо-ворчливое что-то, что-то непередаваемо-древнее, нечто коряво-черепичное, нечто незыблемо-священное, нечто неотразимо-чудесное; А. Куприн: что-то болезненно-блаженное, невыразимо-печальное что-то, что-то грубо-животное; В. Вересаев: что-то братски-заботливое, что-то дико-стихийное, что-то молодо-бодрое), у других их включение в контекст характеризуется единичными случаями. Определяющим фактором можно считать не столько ситуативную неопределенность репрезентируемого предмета (в широком смысле), сколько именно специфику авторского мировидения, в котором размытость, неизвестность, неопределенность является значимой частью языковой картины мира.

Рассматривая в классическом труде «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» отличия местоимений от имен существительных, В. В. Виноградов подчеркивал не только морфологическую, но и синтаксическую специфику первых: «Так, в противоположность именам существительным, местоимения не могут быть определены впереди стоящими прилагательными (кроме *весь* в сочетании с *мы* и *вы* и *один* в сочетании с *я*, *ты*, *мы*, *вы*...)» [1, с. 277]. В целом правота данного утверждения подтверждается высокой частотой постпозитивного использования сложных эпитетов при определяемом-местоимении:

Он озлобленно-взволнованный ехал теперь к нему, крепко сжимая аrapник в руке, в полной готовности на самые решительные и опасные действия против своего врага (Л. Толстой. Война и мир).

Преппозитивное положение определения, как правило, сопровождается формой именительного падежа определяемого-местоимения, что способствует субстантивации местоименной единицы:

Бакалейников застыл в морозной пудре, колыхались перед глазами то белая стена и черные глазницы с выбитыми стеклами, то широкоскулое нечто, смутно напоминающее человеческое лицо, прикрытое серым германским тазом (М. Булгаков. В ночь на 3-е число).

При постпозитивном употреблении определение-местоимение нередко стоит в косвенном падеже: *Все во мне требовало чего-то отчаянно-ловкого* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Включаться в эпифразу со сложным эпитетом могут и местоимения других разрядов,

правда, не так продуктивно, как личные и неопределенные. В подобных сочетаниях также наблюдается субстантивация опорного слова. Например, определятельное местоимение *весь* в форме среднего рода реализует значение «совокупности предметов, понятий, явлений»: *мило-невозможное все* (Ф. Тютчев), *человечески-благое все* (Ф. Тютчев), *сдержанно-грустные все* (И. Бунин). Указательные местоимения в сочетании с композитной единицей также демонстрируют контекстуальную субстантивацию создаваемого образа:

Приход священнослужителей и вслед за тем воцарившееся молчание, зажигание свечей и облачение в этой тишине, все это таинственно-церковное приготовление к службе, а потом первый взмах кадила и первый возглас – все это показалось мне теперь, в этот последний для покойника вечер, столь многозначительным, что я уже глаз не мог поднять на то, что было впереди, на этот пышный, бархатный гроб, воздвигнутый на составленные столы, и на то церковно-страшное, картинно-погребальное, что наклонено возвышалось в гробу во всем зловещем великолепии своего золотого покрывала, золотой иконки на груди и новой, жестко-белой подушки... (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

В различные периоды истории русского литературного языка сложные эпитеты сопровождали самые разные объекты эпитетации. Однако наблюдается определенная закономерность, что ими в XVIII – XIX вв. чаще становились сам человек и явления природы. В XX в. наследуются те же объекты эпитетации, объективно сохраняющие свое доминирующее положение, но отмечается и расширение границ их реализации за счет реалий нового времени, стремительно изменяющегося технического прогресса, повсеместной урбанизации: *лоско-матовы пласты асфальта* (И. Северянин), *тысячеглазый трест* (В. Маяковский), *зеркально-черный автомобиль* (В. Набоков), *научно-тюремные лаборатории* (Л. Улицкая), *буржуазно-чиновничий мейнстрим* (Т. Толстая). Появляются и исторически фиксируемые реалии, которые воспринимаются носителями языка, как знаковые приметы определенного периода, например: *свинцово-серые воронки* (А. Солженицын) – машины, увозившие арестованных во время сталинских репрессий и имеющие символическое значение для каждого советского человека.

В процессе развития языка объекты эпитетации все чаще используются в переносном

